Герцен А

ФРАНЦИЯ ИЛИ АНГЛИЯ

1858

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ц51
Г787

ЦБ1
Г787

ФРАНЦІЯ или АНГЛІЯ?

РУССКІЯ ВАРІАЦІИ

НА ТЕМУ 14 ЯНВАРЯ 1858.

ИСКАНДЕРА.

—

(Переводъ съ Французскаго съ новымъ предисловіемъ автора.)

LIBRAIRIE B. BEHR
(E. BOCK)
Unter den Linden 27.
BERLIN.

LONDON,
TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.
1858.

2ᵗ 8.90

ЦБ1
Г 787
Герцен. А. И.
X

ФРАНЦІЯ или АНГЛІЯ?

РУССКІЯ ВАРІАЦІИ

НА ТЕМУ 14 ЯНВАРЯ 1858.

ИСКАНДЕРА.

—

(Переводъ съ Французскаго съ новымъ предисловіемъ автора.)

LONDON,
TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.
1858.

Ц61
Г787

Библиотека
Института Ленина
при ЦК ВКП(б)
1385 У10254

Брошюру эту, напечатанную по французски, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, я тогда хотѣлъ помѣстить въ 'Колоколѣ'—но время прошло, а перевода не было сдѣлано.

На дняхъ Г. С. Тхуржевскій получилъ переводъ и спрашивалъ моего мнѣнія печатать ли его. Изданіе этой брошюры на русскомъ языкѣ я не считаю безполезнымъ, не смотря на то, что событія совершившіяся съ тѣхъ поръ такъ ясно подтвердили мнѣнія, нами высказанныя, что самая возможность сомнѣнія становится непонятной. Кто и теперь еще не разглядитъ что представляетъ Франція и что представляетъ Англія, тотъ не близорукъ, а просто слѣпой, или человѣкъ забитый доктриной.

Все въ Европѣ идетъ съ поразительной быстротой къ пятому дѣйствію, мы въ антрактѣ, и занавѣсъ уже въ половину поднялась... и прологъ былъ сказанъ, остается ждать развязки: актерамъ идти на сцену, а намъ зрителямъ смотрѣть на игру.—Міръ событій обыкновенно запутанный, сложный самъ,

представляетъ свою аллегорію, сфинксъ во всеуслышаніе расказываетъ свою тайну, и все такъ просто, безъ переходовъ, безъ тѣней, безъ тушовки...

Тутъ нечего ни долго изучать, ни отыскивать источниковъ, стоитъ только взять газету, и читать.

Тяжелый, тучный, 'Теймсъ' не любящій поэтизировать, ненавидящій отвлеченныя теоріи, политическія построенія, самъ вышелъ изъ своихъ дѣловыхъ привычекъ, изъ своей обычной колеи, призадумался передъ странной игрой случайности и бросая на минуту свою косу, которой коситъ ежедневную траву для насущнаго пропитанія, дѣлается авгуромъ, и по теплымъ трепещущимъ событіямъ заглядываетъ въ даль и пророчитъ.

—'Въ то самое время, говоритъ Теймсъ, какъ безъ умолка гремѣли залпы со всѣхъ фортовъ Шербурга, мирный пароходъ, незамѣчаемый при этомъ громѣ, тихо входилъ въ гавань. Онъ привезъ вѣсть о дѣлѣ сдѣланномъ британскими руками, въ сравненіи съ которымъ Шербургъ и его крѣпости теряютъ значеніе, онъ привезъ телеграфическую депешу о томъ что Англія и Америка соединены электрической ниткой! — Новая страница исторіи открывается'... (11 Августа 1858).

Я не знаю что къ этому прибавить... Прибавлю анекдотъ. 'Странная случайность,' такъ мало странна, и такъ мало случайность что она повторялась на всѣхъ размѣрахъ, на тысячи ладовъ.

Въ тотъ самый день, въ который пришелъ 'скромный пароходъ,' садился я часу въ седьмомъ вечера въ вагонъ на виндзорской дорогѣ. Въ вагонѣ

былъ какой то офицеръ съ рыжими подвитыми бакенбардами, трое истыхъ лавочниковъ съ ихъ откормленно - тупымъ выраженіемъ и неловкой грубостью пріемовъ, и мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Пока я разсматривалъ монхъ сосѣдей, отворилась дверь и вошелъ высокій, худой господинъ весь въ черномъ, сѣлъ въ уголъ и спрятался за листомъ вечерней газеты. Слѣдуя его примѣру вынулъ и я Express но не успѣлъ прочитать одной строки, какъ вдругъ старикъ съ восторженнымъ лицомъ, воскликнулъ o glorious, glorious!.. Господа, прибавилъ онъ, вы кажется не знаете, атлантической телеграфъ прикрѣпленъ и дѣйствуетъ!

'Какъ, закричали всѣ остальные, прикрѣпленъ? — позвольте газету.... и мнѣ, и мнѣ!' Гордая радость видѣлась въ этихъ безстрастныхъ людяхъ, даже мальчикъ принималъ участіе въ великомъ событіи.

И въ то самое время толпы дикихъ Бретонцевъ, постукивая деревянными башмаками, шли по нестерпимому жару, бросая страдную работу, чтобъ гдѣ нибудь на дорогѣ, прождавши сутки, склонить голову передъ деспотомъ Франціи. Другіе толпы, съ кровожаднымъ упоеніемъ смотрѣли на роскошь орудій смерти, на бойницы отъ которыхъ потонутъ корабли, и на корабли которые понесутъ раззореніе, смерть и равенство рабства, въ сосѣдній островъ. Наконецъ-то они унизятъ гордую соперницу, отомстятъ Англіи, за то чувство зависти къ ея свободѣ, утрата которой все таки оставила угрызеніе на совѣсти и рубцы на сердцѣ. Такія угрызенія

и такая зависть часто скрываются за дерзкой рѣчью куртизаны, когда она говоритъ о честной женщинѣ.

Въ французскомъ задорѣ замѣшалась сверхъ племенной ненависти, отчаяніе собственнаго паденія и суетная надежда кровью и побѣдой, скрыть его отъ чужихъ глазъ.

Ложь франко - англійскаго союза обличилась. Аванпостъ воинственныхъ ордъ романо-гальской Европы—стоитъ готовымъ передъ послѣднимъ этапомъ старой англосаксонской цивилизаціи. Франція рвется на бой и никакая сила не удержитъ этихъ варваровъ просвѣщенія.

Устоятъ ли готическія твердыни—готической свободы?... Стары онѣ, поросли мохомъ, разсѣлись...?

Помните - ли слова Нотрдамскаго Архидіакона когда онъ указывая Аббату beati, sancti Martini на печатную книгу и на соборъ сказалъ 'Cecі tuera cela!'?

Телеграфъ не убьетъ ли Шербурга?

Что можно сдѣлать съ страной, у которой бьется непрерывный пульсъ съ Америкой, для которой океанъ сдѣлался внутренней цистерной? Въ сущности тутъ не два государства, а два разныхъ берега принадлежащихъ Англосаксонцамъ.

Англію также трудно поймать, какъ рыбу голой рукой, у ней нѣтъ границъ. Англія не одинъ островъ, но островъ и Океанъ. Она можетъ переплыть по ту сторону, и остаться той же Англіей. Она не glebae adscripta, не крѣпка землѣ не похожа на первозданныя граниты, базальты

переживающія—безъ способности разрушенья, безъ способности развитья—подвижные слои, тучные жизнью и полные здоровья, смываемые тутъ, наносимые тамъ, и всегда полные пластической мощи.

Съ этими мыслями вышелъ я изъ вагона. Въ амбаркадерѣ сидѣлъ дожидаясь своего поѣзда одинъ знакомый, 'пришедшій за Ламаншъ отыскивать свободы' сильно красный по мнѣніямъ и тоже читалъ газету—вотъ что онъ вычиталъ sur le Time:

—'Что скажите, каково они насъ побаиваются', сказалъ онъ мнѣ съ самодовольнѣйшей улыбкой въ мірѣ,—они просто дрожатъ!

—Чему же вы удивляетесь? спросилъ я. Вселять страхъ одной дикой силой, принадлежитъ не только народамъ пошедшимъ въ солдаты, но каждому медвѣдю и волку.

—Пора, пора заплатить Англіи за всѣ ея козни, Англія, это средоточіе реакціи, пока Англія цѣла съ своими аристократическими учрежденіями, эра всеобщей свободы не начнется въ Европѣ.

—Такъ это ее и карать за то, что вы неумѣете быть свободными?

—Послушайте, скажите мнѣ серьезно, неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что Англія свободна?

—Думаю что она во сто разъ свободнѣе Франціи и всей Европы, за исключеніемъ развѣ Швейцаріи.

—Erreur, erreur profonde! Вашъ пріятель Прудонъ, котораго вы такъ отстаиваете и онъ въ послѣднемъ сочиненіи своемъ сказалъ: Что не

смотря ни на что, Франція все таки остается самая свободная страна въ мірѣ; развѣ не она во главѣ революціоннаго движенія? Это будетъ не война, а крестовый походъ—съ нашими знаменами, революція обойдетъ міръ!

'Waterloo only!' закричалъ сторожъ, звоня изо всѣхъ силъ и мой Атила, будущій бичь господень и учитель французской грамматики per interim, сѣлъ въ одну изъ каретъ и изчезъ.

Франція или Англія?—спросимъ мы опять.

Да намъ Русскимъ больше нравится Франція. Мы воспитаны на ея литературѣ, на ея понятіяхъ. Парижскіе правы ближе къ нашимъ, чѣмъ лондонскіе и bal Mabil веселѣе Cremorne-Garden's. Все это такъ. Даже безъ всякаго отношенія къ намъ, англо-германская порода гораздо грубѣе во всемъ франко-романской.

Но рѣчь не о томъ; намъ не суженаго выбирать, а попутчика въ будущее.

Романскіе народы, наслѣдники театральной доблести древняго міра, кастильской утонченной вѣжливости и шипучаго образованія аристократической Франціи XVIII вѣка—изящнѣе своихъ сосѣдей. Они какъ гладіаторы знаютъ искуство красиво умирать и увядаютъ какъ старые маркизы, съ трагической граціей и съ предсмертнымъ кокетствомъ Рашели, зарывшейся въ кружева за день до кончины, чтобъ скрыть худобу отъ Наполеона Бонапарта.

Гдѣ же съ ними ровнятся неуклюжему тяжелому англосаксонскому работнику съ своими потными

руками, которыми онъ срубилъ себѣ избу, 'въ которую дождь и градъ можетъ взойти, но королевская власть не можетъ,'—да двѣ три Европы расчистилъ за однимъ океаномъ и теперь расчищаетъ двѣ, три за другимъ!

За то, въ то время какъ Венеція, Сіенна, Севилья и самый Римъ, своей старческой худобой вызываютъ грусть и печальное уваженіе, въ то время какъ ихъ улицы пусты, дворцы почернѣли, лавки бѣдны, торговля не цвѣтетъ, въ то время какъ народонаселеніе во Франціи останавливается, начинаетъ убывать и умственный горизонтъ становится уже и уже — въ Англіи, не говоря объ Америкѣ, въ старой неуклюжей Англіи, въ этой странѣ Быка и Пива все растетъ, переполняется, тучнѣетъ, засѣляетъ и неимѣя мѣста, плыветъ во всѣ части и строитъ Drury Lane въ Мельбурнѣ и Гай Маркетъ гдѣ нибудь въ Портъ Сенъ Филиппѣ.

По ту сторону океана, тоже самое, сравните Мексику, испанскую Америку вообще, съ Америкой англійской. А ужъ конечно Испанецъ намъ симпатичнѣе 'Янки.'

Взгляните наконецъ на насъ самихъ. Нельзя сказать чтобъ мы пріобрѣли, особенно въ царствованіе Николая права на любовь другихъ народовъ. Имперія—солдатъ и розогъ, крѣпостнаго состоянія и чиновниковъ, нѣмецкаго абсолютизма и византійскаго раболѣпія — но совсѣмъ тѣмъ ростъ нашъ не подлежитъ сомнѣнію, мы чувствуемъ нашу юность, мы чувствуемъ избы-

токъ силъ, черезъ два поколѣнья нельзя узнать нѣкоторыя края Россіи; мы влечемся къ Тихому Океану, мы идемъ впередъ съ ядрами на ногахъ. Это можетъ неправиться; Нѣмцы просто сердятся на насъ за это и ворчатъ, Англичане дуются, Французы не знаютъ — но отрицать этотъ фактъ не можетъ никто, такъ какъ мы не можемъ отрицать фактовъ ихъ жизни—разъ навсегда будемте уважать выше всего объективную истину.

Во имя ее мы и спрашиваемъ теперь, какъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ—можно-ли серьезно задуматься надъ выборомъ союза между Англіей и Франціей? Можно-ли изъ двухъ знаменъ, выбрать то, которое держитъ Наполеонъ III и увѣрять что Россія вступаетъ въ эпоху улучшеній, реформъ, освобожденій?

Это знамя войска, а не народа, хоругвь смерти, а не жизни. Союзъ съ Франціей безплоденъ, съ ней можно соединиться только на чью нибудь гибель, только на разрушеніе. Зачѣмъ намъ участвовать въ казни міра несогрѣшившаго противъ насъ, зачѣмъ намъ быть саранчей нападающей какъ кара небесная, на страны, которыхъ горькимъ опытомъ, которыхъ выстраданной мудростью мы воспользовались. Гальской Цезарь, справится самъ съ дряхлѣющей цивилизаціей, если часъ ея насталъ, на это довольно обращенныхъ въ дикарей Зуавовъ — къ чему же Казаки?

Въ предстоящей борьбѣ Россіи пожалуй вовсе не нужно принимать дѣятельнаго участія, это ихъ 'семейная ссора.' Мы тутъ не ждемъ наслѣдства,

и равно не связаны ни воспоминаньями, ни надеждами? Что намъ нужно было—ихъ теоретическую мысль, мы взяли, мы посильно усвоили себѣ. Одно пустое, раздражительное, дипломатическое самолюбіе и при томъ нѣмецкое, заставляетъ Россію мѣшаться во всѣ западныя дѣла, не замѣчая того, что человѣчество съѣзжаетъ съ европейскаго материка; если она освободится отъ петербургской традиціи, у ней есть одинъ союзникъ: это Сѣверо-Американскіе Штаты!

Но въ выборѣ между Франціей и Англіей лежитъ пробный камень, великое нравственное сознаніе, какъ правительство понимаетъ себя и Россію.

Съ Англіей—свобода и миръ!
Съ Франціей—рабство и война!

И—ръ.

8 Сентября 1858. Путней.

I.

Еще шагъ впередъ сдѣлали мы: старые къ могилѣ юные къ возмужалости.

Еще разъ старый міръ былъ потрясенъ съ конца въ конецъ; открылись новые разсѣлины, вѣковое зданіе еще разъ треснуло и еще разъ осѣло,—и все это отъ того, что какому то восторженному фанатику пришло въ голову бросить подъ карету человѣка, котораго онъ считалъ виновникомъ бѣдствій его родины, начиненную бомбу, которая не ранила его.

Сама Англія оступилась; но къ счастью сейчасъ же оправилась.

Теперь абсолютистскіе журналы только и говорятъ объ ультра монархическомъ союзѣ противъ Англіи, вещь очень понятная и которую можно было предвидѣть. Дѣло дошло до того, что явились предположенія, будто Россія станетъ въ этомъ заговорѣ деспотизма рядомъ съ Франціей. Мы не вѣримъ этому, подобный союзъ былъ бы исторической нелѣпостью; его было бы достаточно, чтобы показать всю вопіющую неспособность нынѣшняго русскаго правительства.

Лига составляющаяся противъ Англіи, необходима для другихъ континентальныхъ правительствъ, она истекаетъ изъ ихъ положенія, но со стороны Россіи она была бы ошибкой. Россія была сведена съ своего пути и тянулась на буксирѣ европейской реакціи, это правда: но канатъ оборвался и Россія вступаетъ теперь на свой естественный путь.

Четыре года тому назадъ, передъ Крымской войной, мы говорили :

'Деспотизмъ вовсе не консервативенъ. Онъ не консервативенъ даже въ Россіи. Деспотизмъ разрушителенъ. Иногда молодые народы, старающіеся организоваться, начинаютъ съ деспотизма, проходятъ чрезъ него, употребляютъ его, какъ тяжелый искусъ ; но гораздо чаще народы, впавшіе въ дѣтство, подпадаютъ подъ иго деспотизма.

'Военный деспотизмъ, алжирскій или кавказскій, бонапартовскій или казацкій, разъ сдѣлавшись господиномъ всей Европы, вовлечется непремѣнно въ отчаянную борьбу противъ стараго общества ; ему нельзя будетъ оставить въ покоѣ свободныя учрежденія, независимыя права, цивилизацію, привыкшую къ слову, науку, привыкшую къ анализу, промышленность, считающую себя властью.

'Деспотизмъ это варварство, это похороны отжившей цивилизаціи, а иногда ясли, въ которыхъ рождается Спаситель.

'Европейскій міръ, въ томъ видѣ какъ теперь, кончилъ свое дѣло ; но намъ кажется. что онъ могъ бы достойнѣе покончить свое поприще, перейти въ другую форму существованія, не безъ потрясеній, конечно, но безъ униженія. Консерваторы, какъ и всѣ скупцы, боялись въ особенности наслѣдника, ну, старики...и будетъ задушенъ ночью ворами и разбойниками.

'Послѣ бомбардированія Парижа, послѣ ссылокъ и заключенія въ тюрьмы работниковъ, они думали, что опасность прошла. Но смерть—Протей. Ее изгоняютъ какъ ангела будущаго,—она возвращается, въ образѣ привидѣнія прошедшаго; ее изгоняютъ, какъ демократическую и соціальную Республику, она возвращается въ образѣ Николая, царя всероссійскаго, или Наполеона, царя Французскаго.

'Одинъ, или другой,—или оба вмѣстѣ,—покончатъ борьбу.

'Для борьбы нужно, чтобъ вашъ противникъ не былъ еще опрокинутъ. Гдѣ же послѣднее убѣжище, послѣднее еще не покоренное мѣсто, въ которомъ цивилизація можетъ дать сраженіе, защищаться по крайней мѣрѣ противъ деспотизма?

'Въ Парижѣ? Нѣтъ.

'Парижъ, какъ Карлъ V, отрекся за живо отъ своей революціонной короны—немного военной славы и много полиціи достаточно, чтобъ поддержать порядокъ въ Парижѣ.

'Убѣжище это въ—Лондонѣ.

'Пока свободная и гордая своими правами Англія существуетъ — ничего окончательно не сдѣлано въ пользу варварства.

'Начиная съ 10 Декабря 1848, Россія и Австрія не питаютъ болѣе ненависти къ Парижу. Парижъ утратилъ свое очарованіе для царей,—они не трепещатъ его болѣе Вся ненависть ихъ обратилась на Англію. Они боятся, они ненавидятъ ее, они готовы были бы разсорить, ограбить ее!

'Въ Европѣ есть раціональныя, но нѣтъ консервативныхъ государствъ. Англія одна консервативна, и причина этого очень ясна: у ней есть что сохранить: именно личную свободу.

'Но это слово и заключаетъ въ себѣ все, что преслѣдуютъ и ненавидятъ Бонапарты и Николаи.

'И вы думаете, что они—побѣдители—оставятъ

на 12 часовомъ разстояніи отъ рабскаго Парижа свободный Лондонъ, Лондонъ, центръ пропаганды и пристанище, открытое всему, что бѣжитъ изъ опустошенныхъ и сожженныхъ городовъ материка. Потому что все, что должно и можетъ быть спасено среди оргіи разрушенія—науки и искуства, промышленность и образованіе—все это непремѣнно устремиться въ Англію.

'Одного этого достаточно для войны.

'Наконецъ мечта перваго современнаго варвара, Наполеона Великаго, осуществится.

'Какого большаго несчастія можетъ ждать Англія отъ революціонной Европы, чѣмъ то, которымъ ей грозитъ европейскій деспотизмъ. Вѣдь у народовъ слишкомъ много дѣла у себя дома, чтобы думать о внѣшнихъ войнахъ.

'Не эгоизмъ и не скупость мѣшаютъ Англичанамъ ясно видѣть все это. Скажемъ откровенно: невѣжество и проклятая рутина, дѣлаютъ этихъ людей неспособными понять, что иногда нужно идти не по битымъ дорогамъ, но пробивая себѣ новый путь.

'А тѣ, у которыхъ есть глаза и которые не хотятъ раскрыть ихъ—посвящены богамъ.

'Какъ спасти ихъ?' (*)

'Съ этого времени цѣлая революція совершилась въ Россіи. 'Генералъ Февраль' измѣнившій Николаю, какъ сказалъ Пушкъ пустилъ, съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ Орсини, свою Евпаторійскую бомбу, и по 'счастливому случаю' императорская корона упала на голову монарха, который понялъ, что онъ на краю пропасти, куда Николай привелъ молодой и сильный народъ, — пропасти злоупотребленій,

(*) *Le Vieux-Monde et la Russie.* Lettres à W. Linton, Esq., par A. Herzen, p. 22-25.

кражи, безпорядка, произвола, громадная машина Русской имперіи грозила распасться.

Александръ II понялъ что нѣтъ выхода кромѣ внутренней передѣлки, кромѣ реформъ и имѣлъ смѣлость начать ихъ.

Какую-жъ выгоду можетъ онъ имѣть поддерживая континентальный деспотизмъ противъ свободы островитянъ?

Очень понятно, что обладатель механическаго и насильственнаго соединенія разнородныхъ частей, можетъ соединится съ Бонапартомъ, чтобы вмѣстѣ подавить послѣдніе призраки независимости. Если Францъ Іосифъ не дѣлаетъ этого, такъ это потому, что онъ не довѣряетъ Лудовику Наполеону въ итальянскомъ вопросѣ. Со стороны всѣхъ европейскихъ монарховъ подобная политика была бы понятна,— хотя правду сказать, этотъ полицейскій заговоръ, при совершенной прострацін народовъ, не нужная роскошь. Они связаны съ тормазомъ, который налѣли на великое колесо исторіи—и не могутъ отъ него отдѣлаться.

Но Россіи совершенно нечего дѣлать во всемъ этомъ, она на этомъ пути можетъ только наткнуться на плотину и быть остановленной въ своемъ новомъ пути. Вѣдь не середь войны, нѣмоты, инквизицій, ссылокъ совершаются реформы.

Россія находится въ исключительномъ положеніи. Она не принадлежитъ Европѣ, не принадлежитъ и Азіи. Перемѣна династіи въ Китаѣ не требуетъ вмѣшательства съ ея стороны. Паденіе Бонапарта и возшествіе на престолъ Франціи Бароша или Полиссье не можетъ ни уменьшить ни увеличить власть царя. Россія, однимъ словомъ, составляетъ сама по себѣ часть свѣта, которая развивается самостоятельно, принимая верхнимъ своимъ сло-

емъ западную цивилизацію и оставаясь въ основѣ совершенно національной.

Задача Петра I и Екатерины II кончена. Они пожертвовали всѣмъ, и прежде всего счастіемъ народа, чтобъ создать Русскую имперію, чтобы организовать государство крѣпкое и сдѣлать его европейскимъ. Они постоянно старались вмѣшивать Россію въ вопросы внутренней политики европейскихъ государствъ и увеличить въ дипломаціи значеніе новой Имперіи. Отчасти въ это замѣшивалось самолюбіе parvenu, и они настойчиво хотѣли принимать какое нибудь участіе въ дѣлахъ старыхъ, континентальныхъ аристократовъ.

И все таки, не смотря на все, современная имперія, начавшая съ отрицанія своего прошедшаго, была созданіемъ XVIII вѣка. Чувствовалось вѣяніе революціи надъ давленнымъ дремлющимъ народомъ.

Общее преступленіе вскорѣ потомъ связало русское правительство съ самымъ старымъ и съ самымъ молодымъ деспотизмомъ въ Европѣ—съ Австріей и съ Пруссіей. Послѣ раздѣла Польши и 'ужасныхъ' новостей, приходившихъ изъ революціонной Франціи, пугавшихъ Екатерину II, она откровенно отбросила всякую маску либерализма и явилась наконецъ тѣмъ, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ—старой Мессалиной безъ сердца, Лукреціей Борджіей—съ нѣмецкой лимфой въ жилахъ.

Ея сынъ менѣе лицемѣрный, съ мелкимъ капральскимъ деспотизмомъ продолжалъ дѣло своей матери, воображая себя покровителемъ всѣхъ монарховъ. Павелъ I представилъ отвратительное зрѣлище коронованнаго Донъ Кихота, все давящаго, все бичующаго съ злобой и бѣшенствомъ. Онъ не былъ даже сносенъ для ci-devant миньоновъ Екатерины.

Но что особенно замѣчательно,—ни Екатерина II, ни ея сынъ не имѣли въ себѣ ничего русскаго, ничего національнаго. Сладкорѣчивый патріотизмъ Екатерины былъ для нея только однимъ изъ средствъ убить добраго Гольштинца, ея мужа. Келейное воспитанье, которое она дала своему сыну—сопернику, естественному врагу матери, которая украла у него вѣнецъ, сдѣлало изъ него какого-то Каспаръ-Гаузера императорскаго дворца. Ни одной черты русскаго характера не было въ этомъ гроссмейстерѣ мальтійскаго ордена, въ этомъ искуственномъ произведеніи мужскихъ сералей и экзерциръ-гаузовъ.

Александръ I, призванный къ великой борьбѣ, которая разбудила народъ и открыла новую эпоху, не могъ и, прибавимъ, не хотѣлъ продолжать роли своего отца. Николаю назначено было лихорадочно взяться снова за его дѣло. Рыцарь печальнаго образа, онъ также тридцать лѣтъ боролся съ мнимымъ привидѣньемъ; но, къ несчастію, его удары падали на дѣйствительную грудь его подданныхъ. Николай занимался день и ночь, болѣе нежели четверть столѣтія, однимъ только наказаньемъ за возмущеніе 1825 года и за польское возстаніе 1831 г. Его манія, его реакціонное безуміе дошло до того, что онъ, вопреки трактатамъ и расчитывая на униженіе Европы, накладывалъ свою лапу на вольные города и давалъ ихъ потомъ на водку Австріи. Чтобы поддержать принципъ неограниченности власти, онъ велъ отчаянную борьбу съ дружественнымъ народомъ и самъ потомъ въ Ольмюцѣ, указывая на статую Яна Собѣскаго, сказалъ: 'Мы съ нимъ двое самыхъ безумныхъ Славянъ: мы спасли Австрію!'

Въ продолженіи 30 лѣтъ, въ которые продолжалось это несчастное царствованіе, Россія существовала для другихъ народовъ только какъ щетина

штыковъ, становившаяся дыбомъ при малѣйшемъ дыханіи свободы, при малѣйшемъ крикѣ независимости. Двѣсти тысячъ русскихъ штыковъ, готовыхъ при малѣйшей нужцѣ перейти границу за священное дѣло порядка и полиціи, были на языкѣ всѣхъ реакціонеровъ, какъ тѣ знаменитые двѣсти тысячъ парижскихъ работниковъ, которыхъ мѣшали во всякую демонстрацію; и едва какой-нибудь нѣмецкій микроскопическій принцъ былъ недоволенъ своими двумя или тремя добрыми мѣщанами, онъ передавалъ черезъ своего перваго министра этимъ несчастнымъ Шульцамъ и Миллерамъ, что двѣсти тысячъ русскихъ штыковъ двигаются къ границѣ.

За этими штыками видиѣлась мрачная, застегнутая фигура Николая, съ его огромными ботфортами и свирѣпымъ взглядомъ, который плантаторъ Дуглассъ находилъ кроткимъ.

Этимъ путемъ Николай успѣлъ не только заставить ненавидѣть русское имя, но также разстроить окончательно Россію, довести ее до того печальнаго положенія, которое мы очень хорошо видѣли во время крымской войны.

Всѣ истинные Русскіе благословляютъ парижскій миръ. Эта война и этотъ миръ унизили императорскую власть. Преувеличенія разсѣялись какъ дымъ, и печальная истина стала просвѣчивать какъ укоръ сквозь трещины севастопольскихъ стѣнъ.

Съ тѣхъ поръ мужикъ на Бѣломъ морѣ также хорошо какъ и Черноморскій казакъ, увидѣлъ что Россіи не недоставало ни храбрости, ни самоотверженія, ни средствъ; но что она была побѣждена потому что ей недостовало души, организаціи, разумнаго центра, порядка. Во всемъ несходный съ Марксомъ Коссидьеромъ, Николаи создалъ безпорядокъ изъ порядка. Онъ замѣтилъ это слишкомъ поздно и умеръ отъ стыда.

Его сыну открывались только двѣ дороги.

Онъ могъ сдѣлаться неумолимымъ преслѣдователемъ, забыть еще болѣе мысль и слово, наказывать за слезы, отнять послѣднюю опору у семейства и послать его на убой, покрыть новыми ударами окровавленную спину своего народа, сослать цѣлыя поколѣнія въ Сибирь и поддержать этими средствами впродолженіи нѣкотораго времени спокойствіе столбняка, которое кончилось бы такимъ взрывомъ, что Имперія разлетѣлась бы въ дребезги среди всеобщей пугачевщины. Онъ не захотѣлъ этого.

Оставался другой путь, путь развитія, реформъ, эманципаціи. Успѣхъ, который сдѣлала Россія въ три года царствованія Александра II, необъятенъ. Все начинаетъ приходить въ движеніе; мышцы затекшіе въ тѣсномъ аресганскомъ камзолѣ, расправляются. На очередь выступаютъ одинъ за другимъ жизненные вопросы. Россія спокойно вступаетъ въ экономическую революцію.

И среди всего этого, говорятъ о союзѣ съ Франціей, во имя деспотизма, приходящаго въ ярость противъ послѣдняго убѣжища независимости и свободы—да это не имѣетъ здраваго смысла!

Все что вамъ угодно, государь, но только, не соединяйтесь съ Бонапартомъ.

Я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія нападать лично на императора Французовъ, напротивъ: я на него смотрю, какъ на роковое орудіе, я на его челѣ вижу трагическое клеймо, черное пятно, сквозь кровавые лучи славы его дѣда.

Онъ—избранникъ Смерти, ея представитель.

Бонапарты, какъ Цезари, не причина, но послѣдствіе, признакъ. Это туберкулы на легкихъ отходящаго Рима. Это болѣзнь старости, это сила судорогъ, безумная энергія горячки.

Бонапартизмъ идетъ рука въ руку съ смертью.

Его слава—кровавая, она вся изъ труповъ. Въ немъ нѣтъ силы зиждительной, нѣтъ производительной дѣятельности; онъ — совершенно безплоденъ, все созданное имъ — обманъ, мечта: кажется, будто что-то есть, а въ сущности нѣтъ ничего,—все это призраки, тѣни, имперіи, королевства, династіи, герцоги, принцы, маршалы, границы, союзы..... подождите четверть часа—все изчезло, все это не въ самомъ дѣлѣ. Дѣйствительность его, это Испанія, утучненная трупами Французовъ, это, египетскіе пески, усыпанные французскими костями, это снѣга Россіи, обагренные французскою кровью.

Бонапартизмъ какъ бредъ, не имѣетъ ни цѣли, ни основанія; это, постоянное противурѣчіе и маскарадъ. Когда онъ поетъ, онъ поетъ безсмыслицу: Partant pour la Syrie!

Чего хотѣлъ Наполеонъ? На вопросы наивнаго Лась Каза, онъ никогда не могъ дать основательнаго отвѣта. Зачѣмъ было предпринимать египетскую компанію? Востокъ—это прекрасный пьедесталъ, великолѣпный фонъ картины. — Жестокая испанскаа война—потому, что Имперія, вѣнчанная революція, освобожденіе народовъ.

Les nations reines par nos conquêtes,
Ceignaient de fleurs le front de nos soldats.

Люди, силящіеся разумно объяснить оргіи убійства, которыя составили славу Франціи во время Имперіи, не находятъ ничего лучшаго сказать, какъ то, что Наполеонъ велъ войну чтобы занять умы во Франціи. Слыхали ли вы что нибудь болѣе цинически-безнравственное, что нибудь болѣе уродливое, какъ это объясненіе? Убивать людей съ цѣлью развлечь другихъ; уничтожать поколѣнія для того чтобы у тѣхъ, которыя останутся, замѣнить идеи общественнаго прогресса—какимъ-то бредомъ кровавой славы, апотеозой убійства и безконечной любовью къ ордену почетнаго легіона?

Да, это деспотизмъ конца, онъ только разрушаетъ, убивая вмѣстѣ и революцію и традицію; революцію церковью, а церковь революціей; убивая наконецъ suffrage universel самимъ избранникомъ. Онъ все убиваетъ. Онъ чуть не погубилъ Англію своимъ прикосновеніемъ: нѣтъ здоровья которое бы вынесло каплю гнилой крови.

Берегитесь, государь, и не кладите, съ досады на недавняго врага,—Россію, эту молодую, здоровую крестьянку, на ложѣ истасканнаго старика. Галльскій Давидъ можетъ умереть безъ нея.

Между двумя союзами, англійскимъ и французскимъ, Россіи невозможно колебаться.

Положеніе, въ которомъ находится теперь Западъ, никогда не было проще. Самая эта простота, зловѣщій знакъ. Все, что полно крови, жизни, силы, сложно и запутано; въ этомъ мы можемъ убѣдиться, изучая самую живую страну въ Европѣ—Англію.

Выборъ между этими двумя союзами — очень ясенъ.

Союзъ съ Франціей, — это война, возвращеніе къ варварству, послѣдній ударъ Европѣ. Какъ зловѣщее предзнаменованіе, является неутолимая, безумная и къ счастію безсильная ненависть Наполеона I къ Англіи—это одна изъ лучшихъ заслугъ гордаго Альбіона. Хитрый инстинктъ великаго кондотьера справедливо шепталъ ему, что нѣтъ ничего прочнаго для самовластія пока существуетъ Англія свободная отъ Франціи. И этому то дѣлу разложенія общества въ рабство подастъ помощь Россія, едва пробившаяся къ новому существованію! Это разомъ покончитъ реформы, снова надѣнетъ цѣпи крестьянамъ, притопчетъ пробивающіеся ростки,

превратить свои поля въ караванъ сараи для толпищъ, выдрессированныхъ для убійства, — и все это для того чтобы ринуться на Европу, соединиться съ другими кровожадными толпами и всѣмъ вмѣстѣ, Калмыкамъ и Зуавамъ, кинуться на Англію съ крикомъ 'Смерть свободѣ!'

Союзъ съ Англіей, напротивъ, не есть лига противъ Франціи. Англія не нападаетъ. У ней нѣтъ болѣе того геройства библейскихъ звѣролововъ, средневѣковыхъ бандитовъ, рейтеровъ и ланскнехтовъ всѣхъ временъ. Англія любитъ миръ, потому что миръ есть приволье работы. Соединиться съ Англіей значитъ признаться, что Россія не боится свободы, что она не имѣетъ круговой поруки ни съ кѣмъ на материкѣ. Это значитъ понять наконецъ съ обѣихъ сторонъ, что обѣимъ народамъ нечего оспоривать другъ у друга, а что напротивъ они могутъ безконечно помогать другъ другу. Пора же уничтожить это воображаемое соперничество, которое не имѣетъ другаго основанія, кромѣ незнанія географіи? Можно ли, послѣ крымской войны, серьезно думать, что Россія побѣдитъ почти непреодолимыя препятствія, чтобы проникнуть въ Индію; и можно ли думать, послѣ балтійской прогулки, что Англія будетъ содержать флоты единственно съ цѣлію препятствовать американской цивилизаціи проникнуть въ Сибирь, черезъ единственный возможный путь для ея образованія черезъ Амуръ? Да разсмотрите же карту!

И это не все, Англія единственная школа, которая годна намъ. Великій народъ, съ малой арміей и огромными завоеваніями, Англія отучитъ насъ отъ мундировъ, парадовъ, полиціи, произвола. Страна безъ централизаціи, безъ бюрократіи, безъ префектовъ, безъ жандармовъ, безъ ограниченія книгопечатанія, безъ ограниченія права схода, безъ ре-

волюціи, безъ реакціи!... И какова роль ея! Послѣ паденія континента, она одна, гордая, спокойная, увѣренная въ себѣ, смотритъ изъ за моря на этотъ отвратительный шабашъ, на эту макабрскую пляску смерти и полицейскихъ комиссаровъ.

Да, она до сихъ поръ, какъ говорилъ старый Гаунтъ 'алмазъ оправленный въ серебро моря.' Онъ начиналъ нѣсколько терять своей воды, своего блеску; но всѣ такъ привыкли къ потемнѣлому вѣками цвѣту всего англійскаго, что ржавчина среднихъ вѣковъ, похожая на плесень, покрывающая бутылку, говорила не только о старости—но и о силѣ.

Дѣйствительно надобно было сойти съ ума, чтобы увлечься дѣлателями coup d'etat на французскій манеръ, мелкими подражателями великихъ злодѣевъ, —до святотатственнаго оскорбленія драгоцѣнѣйшихъ правъ своей страны!

Я вовсе не англоманъ. Я просто Русскій, покинувшій свою родину для свободы. Привыкнувъ къ путешествіямъ, я не забочусь о градусахъ широты и долготы. Не принимая никакого участія въ заговорахъ, мнѣ вовсе не угрожалъ законъ убійства англійской свободы. Да еслибъ и угрожалъ, я взялъ бы свой типографическій станокъ и отправился бы въ Нью Іоркъ. Но, признаюсь, послѣ перваго чтенія билля объ уничтоженіи личной неприкосновенности въ Англіи, сердце у меня замерло. Я былъ испуганъ, сбитъ съ толку, и тогда только понялъ что я люблю Англію!

Но, думалъ я, развѣ они не знаютъ что вотируютъ? Какъ, достаточно будетъ двухъ шпіоновъ, двухъ клятвопреступниковъ по профессіи, чтобы дать полиціи право дѣлать обыскъ въ домѣ Англичанина, въ этомъ святилищѣ, въ этомъ 'non me tangere,' въ этой твердынѣ, для спасенія которой страна терпѣла

игроковъ, банкротовъ, развратныхъ женщинъ... и Богъ знаетъ кого еще. А теперь ее отворяютъ для шпіоновъ!

Присяжные освободятъ быть можетъ, но перерытыя бумаги, семенныя тайны, оскорбленныя рукою полиціи и сверхъ того тюремное заключеніе! Этотъ законъ самъ по себѣ былъ coup-d'état, 2 Декабремъ, изподтишка наносилъ ударъ ножемъ Common law.

Какихъ же еще дней несчастія и горя придется намъ быть свидѣтелями и что за печальное существованіе вѣчно переходить отъ однихъ похоронъ къ другимъ. Трауръ по Франціи—какъ башмаки матери Гамлета—не износился еще, а уже снова пахнетъ погребальнымъ ладономъ съ другой стороны, и, слышались мрачные звуки Reqiem'a

Dies irae dies illa,—

и я какъ вѣчный жидъ—готовился опять въ путь.

Но Англія встрянула. Она отвергнула не только законъ но и заговорщиковъ. И это не Парламентъ сдѣлалъ а народъ. Въ большихъ городахъ, на перекресткахъ, на публичныхъ площадяхъ и въ семейномъ кружкѣ, послышался крикъ негодованія, который пронесся по острову изъ конца въ конецъ; и другой крикъ, вторилъ ему, крикъ отвращенія, когда Англичане увидѣли свободную почву своей родины покрытую роемъ шпіоновъ.

Негодованіе было таково, что на улицахъ мальчишки преслѣдовали всѣхъ иностранцевъ крикомъ 'French spy!' сопровождая его ропотомъ, а иногда и грязью. Они кричали это и мнѣ. И какъ въ глубинѣ сердца благодарилъ я ихъ за то!

Народъ, который умѣетъ ненавидѣть политическую полицію—свободенъ на всегда. Не напрасно королева Елисавета называла Англію Common wealth!

II.

Революція дѣло Франціи. Соціализмъ—ея послѣднее слово и ея идеалъ, былъ выработанъ французскими мыслителями, среди страданій французскихъ пролетаріевъ.

Я не хочу сказать, чтобы пролетаріи другихъ странъ менѣе страдали или чтобы мыслители другихъ народовъ не имѣли бы очень ясныхъ идей объ общественномъ возрожденіи.—Робертъ Овенъ Англичанинъ; но во Франціи—пролетарій не только страдалъ, но и имѣлъ сознаніе того, онъ понялъ, что это было не только великимъ несчастіемъ, но и великой неправдой. Во Франціи Соціализмъ, изъ неопредѣленной страсти, какой онъ былъ во время Гракха Бабефа, сталъ религіей съ С. Симономъ, доктриной съ Фурье, философіей съ Прудономъ.

Есть ли однако въ этомъ достаточная причина, чтобы заключить, что общественное обновленіе провозглашенное во Франціи, осуществится во Франціи? Мы не думаемъ. Но спѣшимъ сказать что—если это не необходимо логически, однако можетъ быть. Это зависитъ прежде всего, отъ того, какъ Франція выйдетъ изъ теперешняго кризиса изъ своего настоящаго паденія.

Она выйдетъ изъ него, быть можетъ, какъ блестящій фениксъ, преображенной, помолодѣвшей, и увлекая съ собой старцевъ римскаго міра къ третьей жизни; или, не находя болѣе въ себѣ силъ для возрожденія, она превратитъ свое соціальное ученіе въ духовное завѣщаніе, которое оставитъ, какъ послѣднюю волю великаго народа, другимъ племенамъ, другимъ странамъ. Такъ Іе-

русалимъ завѣщалъ Евангеліе міру, оставляя себѣ одну только вѣчную надежду на возобновленіе Саломонова храма.

Этотъ вопросъ очень важенъ и очень труденъ. Но сомнѣніе само по себѣ есть уже великій шагъ впередъ, и освобожденіе отъ слѣпой вѣры въ революціонную будущность Франціи могло бы быть истиннымъ началомъ этой будущности.

У насъ нѣтъ готоваго отвѣта на этотъ вопросъ, мы не занимаемся астрологіей. Будущее, измѣнчиво. Единственная основательная вещь, которую мы можемъ опредѣлить, это условія, при которыхъ общественное перерожденіе возможно для народа, и кризисы, катастрофы, различные фазы, черезъ которыя онъ долженъ пройти.

Одинъ изъ сильнѣйшихъ авторитетовъ въ Соціализмѣ сказалъ: Нужно умереть въ старомъ Адамѣ, для того чтобъ возродиться въ новомъ, могилою идутъ люди къ воскресенью, одного крещенія водою т.е. перемѣны названія, Монархіи на Республику.... не достаточно.

Рядомъ съ этими словами есть и примѣръ. Это, Римъ цезарей проходящій черезъ смерть, чтобъ стать Папскимъ Римомъ.

Въ Римѣ было много революцій; онъ часто мѣнялъ кожу; но съ Маріемъ и Силлой, съ Сенатомъ и Юліемъ Цезаремъ, съ Нерономъ и Маркъ Авреліемъ онъ оставался древнимъ Римомъ. Предъ христіанствомъ старое зданіе должно было рухнуть, чтобы быть выстроеннымъ за-ново. Не осталось камня на камнѣ; все перешло черезъ смерть и вышло изъ нея преображеннымъ.

Вмѣсто тріумфальныхъ воротъ, ожидающихъ съ своимъ 'Ave Caesar побѣдоносныя легіоны... процессіи монаховъ, идущихъ преклониться предъ римской висѣлицей. Вмѣсто кровожаднаго орла Цезарей... святой духъ въ видѣ голубя.

Когда Римъ былъ готовъ для могилы, явился человѣкъ, обладавшій всѣмъ древнимъ образованіемъ, и сказалъ своимъ согражданамъ, тѣмъ гордымъ Cives Romani которые уважали себя только во имя этого званія. 'Ваши добродѣтели для насъ только блестящіе пороки. Наша мудрость—безуміе въ вашихъ глазахъ.' И онъ не былъ побитъ камнями. Напротивъ его слушали въ недоумѣніи и скорби.

Съ тѣхъ поръ не было больше возможнаго примиренія. Нужно было уничтожить всѣхъ христіанъ, или похоронить старый Римъ. Mezzo termine не было. Святой Августинъ или Юліанъ Отступникъ, одинъ изъ нихъ долженъ былъ остаться побѣдителемъ.

Борьба длилась вѣка, вѣка несчастій и безконечныхъ мученій. Но великая работа подвигалась впередъ. Между тѣмъ какъ Имперія, униженная, въ отупленіи, гніющая внутри, окровавленная, избитая на границахъ, разваливалась, а священники монахи, которымъ нечего было терять, нечего погребать, освобожденные отъ религіи преданія, спокойно продолжали свою пропаганду.

Раскрывая писанія первыхъ отцовъ церкви, изумляешься, находя между старыми и новыми Римлянами такую совершенную разницу. Никакого слѣда у нихъ того шовинизма, который дѣлалъ гражданъ вѣчнаго города нахальными въ отношеніи къ другимъ народамъ; никакого слѣда этого легкаго самохвальства, которое заставляло Римлянъ любоваться собой, какъ великимъ народомъ древности; никакихъ слѣдовъ того жаднаго и исключительнаго патріотизма, который заставлялъ Римлянъ рукоплескать каждой побѣдѣ и все прощать Цезарямъ лишь бы былъ окровавленный и задавленный народъ на колѣнахъ предъ непобѣдимыми легіонами.

Vœ victis! все покидаетъ императорскій городъ, старый Римъ издыхаетъ или переходитъ къ непріятелю. Серьозная мысль, поэтическій геній, бурный увлекательный талантъ—все перебирается къ епископамъ и священникамъ, этимъ анархистамъ первыхъ вѣковъ. Римъ не имѣетъ болѣе писателей; у него есть только стилисты. Риторика беретъ верхъ надъ содержаніемъ. Людямъ, нечего сказать, они только болтаютъ. Чтобы скрыть отсутствіе инициативы, бѣдность мысли, они наполняютъ украшеніями, флоритурами безконечную пустоту содержанія, которое давитъ ихъ, какъ упрекъ, какъ угрызеніе совѣсти. Если полу-свѣтскій Сидоній Аполлинарій интересуетъ насъ сколько нибудь, такъ это собственно потому, что онъ писалъ нравы своего времени, и что мы можемъ прослѣдить въ его разсказахъ, прогрессъ смерти, судороги цивилизаціи въ агоніи.

Когда народъ стремится въ своей рѣчи только къ эффекту, говоритъ готовыми фразами, невоздержно исполненными громкихъ словъ—онъ въ полномъ паденіи.

Восточные народы, (которыхъ день обновленія, можетъ тоже настать,)говорятъ въ тяжеломъ снѣ своего старческаго дѣтства смѣшными преувеличеніями замѣняя смыслъ выраженіемъ, и подлежащее—прилагательнымъ.

Соціализмъ не меньше требуетъ отъ христіанскаго народа, чѣмъ христіанство требовало отъ языческаго Рима. Онъ требуетъ не меньше отъ солдата, мѣщанина, гражданина, чѣмъ требовалъ человѣкъ безъ отчизны, безъ роду и племени, смиренный, бѣдный, священникъ этотъ—бродяга и нищій—отъ патриція —консерватора, гордаго со своими кліентами и униженнаго съ императоромъ,—вольнодумца про себя, благоговѣйно цѣлующаго перстень съ изображеніемъ Цезаря-бога при людяхъ.

Вопросъ, который мы поставили, не состоитъ въ томъ, чтобы узнать—совершила ли свой путь старая Франція. Это не подлежитъ сомнѣнію. Вопросъ этотъ ставится скорѣе въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ Гамлетъ ставилъ свой. Его занимала не смерть, но сонъ, который будетъ послѣ смерти.

При настоящемъ положеніи вещей мы можемъ еще допустить возможность общественнаго пересозданія. Но тяжелый сонъ разрушенія съ каждымъ днемъ становится вѣроятнѣе. Франція, кажется иногда, входитъ незамѣтно, мало по малу, безъ потрясеній и сохраняя наружныя формы жизни и цивилизаціи, въ скучный semper idem старости—разтлѣнной, раболѣпной, византійской, или сухой, неподвижной, серьезной, величавой съ виду и неподвижной по содержанію, какъ старость Испаніи.

Не одно настоящее положеніе Франціи исключительно дѣлаетъ возможной эту гипотезу. Мы говорили уже,—Бонапартъ есть слѣдствіе а не причина. Это, если хотите, кара, но преступленіе въ другомъ мѣстѣ.

Имперія не просуществовала бы и двухъ дней, если бы она не находила какой нибудь точки опоры во французскомъ характерѣ. Она необходимо соотвѣтствуетъ совершенно національнымъ элементамъ. Пусть говорятъ, что угодно, — но избраніе 10 Декабря 1848 было свободно и народно.

Франція, воинственная и солдатская страна. Она любитъ выставку власти, необыкновенныя мѣры, которыя уничтожаютъ личность передъ Государствомъ, человѣка передъ идеей. Это болѣе, чѣмъ нужно для цезаризма. Можно ли, напротивъ вообразить, себѣ бонапартистскую Англію?

Говорятъ, что съ нѣкотораго времени огромная перемѣна совершается въ народномъ духѣ во Франціи. Пассивная покорность въ самомъ дѣлѣ можетъ

указываетъ на внутреннюю работу;—но у насъ слишкомъ мало фактовъ, чтобы опредѣлить эту перемѣну.

Есть однако очень простое средство, чтобы взвѣсить Божье и Кесарево во Франціи. Тяжкій гнетъ имперьялизма ненавидятъ во Франціи; Франція любитъ только поэзію Бонапартизма, а не его прозу. Впрочемъ нѣтъ народа въ мірѣ, который бы склонялъ шею подъ иго изъ любви къ тиранніи. Вся разница состоитъ въ томъ, что одинъ народъ выноситъ рабство за чечевичную похлебку или за что нибудь другое. тогда какъ другой не выноситъ ни за что на свѣтѣ. Есть меньшинство во Франціи, состоящее изъ республиканцевъ, соціалистовъ, которые энергически протестуютъ противъ притѣсненія, раздавившаго Францію, оно необходимо должно быть противъ всего, что можетъ усилить власть Бонапарта и Янычаровъ, которые его поддерживаютъ. Это очевидно.

Нѣсколько дней тому назадъ, весь міръ видѣлъ возможность войны между Франціей и Англіей.

Англія твердо поддерживаетъ свою свободу и право убѣжища. 'The Empire espionage' (*) Times'a не можетъ выносить рядомъ съ собой такой дерзкой упрекъ себѣ; и едва лишь онъ почувствуетъ себя довольно сильнымъ, Бонапартъ объявитъ войну Англіи. Всякій на его мѣстѣ сдѣлалъ бы тоже.

И тутъ представляется вопросъ, какая часть французскаго меньшинства будетъ возсылать молитвы за успѣхъ зуавскихъ толпищъ въ Англіи, и какая—будетъ съ ужасомъ смотрѣть на это покушеніе убить свободу въ послѣднемъ европейскомъ убѣжищѣ ея и рукоплескать новымъ Ватерло? Замѣтьте, что дѣло

(*) The Empire is espionage, its incarnation is a mouchard.—(*The Times*, 15th March 1858.)

идетъ только о меньшинствѣ—что касается большинства, то можно быть увѣреннымъ, что оно съ восторгомъ будетъ смотрѣть на униженіе гордаго Альбіона.

Но вѣдь люди, которые предпочитаютъ свободѣ военную славу своей родины, не любятъ свободы. Это Римляне стараго Рима, это—храбрецы великой арміи; это послѣдніе Абенсераги, послѣдніе Могикане,—все что угодно, но это не люди новаго міра.

Подобную пробу можно приложить послѣдовательно къцѣлому ряду вопросовъ въ томъ же родѣ. Результатъ будетъ почти всегда одинъ и тотъ же.

Кожа древняго Адама держится тѣмъ крѣпче на немъ, что онъ не замѣчаетъ этого. Французъ убѣжденный, что онъ революціонеръ и что идетъ въ авангардѣ человѣчества, ни о чемъ не заботится. Онъ доволенъ собой, и сбившись съ пути, идетъ вспять, не замѣчая того. Это-то и заставляетъ насъ думать, что Французамъ нужно бы предпринять работу внутренней провѣрки всего воззрѣнія своего. Это имъ было бы тѣмъ легче, что между ними есть серьозные мыслители, смотрящіе съ горестью на все происходящее вокругъ нихъ. Но ихъ не слушаютъ. Они слишкомъ мало патріоты, слишкомъ мало принадлежатъ къ революціонной традиціи, слишкомъ независимы отъ нея.

Въ этомъ то и состоитъ великое зло: ибо мало отрицать монархическую и феодальную Францію—она почти не существуетъ,—нужно эманципировать себя отъ Франціи Беранже. Мало—не симпатизировать съ варѳоломеевской ночью,—нужно также не симпатизировать съ сентябрскими днями. Мало—не желать отмстить за Ватерло, нужно не восторгаться болѣе при воспоминаніи объ Аустерлицѣ.

Къ счастію, Франція легче всякаго другаго, стараго исторіей народа, можетъ войти въ новую фазу су-

ществованія—и это ея громадное преимущество. Англія, напримѣръ, какъ огромныя каштановыя деревья въ ея паркахъ, держится на своей почвѣ корнями, которые идутъ, переплетаясь и теряясь глубоко подъ землей. Вѣковымъ трудомъ она накопила громадныя богатства; примѣсь не отдѣлена отъ золота, это правда, и она боится ихъ раздѣлить, чтобы не потерять и драгоцѣннаго металла вмѣстѣ съ нимъ. Франція напротивъ не пріобрѣла ничего окончательно. Она стряхнула мощной рукой готическую пыль и версальскую пудру, но еще не входила въ нормальное состояніе съ 89 г.; Она до сихъ поръ находится въ томъ судорожномъ волненіи, которое уже два раза доводило ее до совершеннаго отрицанія всѣхъ своихъ правъ. Любя возмущеніе и централизацію, лишенная всякаго чутья свободы, Франція желаетъ освободить другіе народы — а сама до сихъ поръ еще не опредѣлила основныхъ принциповъ своего общественнаго зданія. Обязанная бороться съ огромной коалиціей, занятая войной, она во время своихъ побѣдъ утратила всѣ пріобрѣтенія 1789. Она смѣшала революцію съ войной и разъ закрывши статую свободы, болѣе не снимала съ нея покрывала.

Отъ поколѣнія до поколѣнія она возстаетъ, созываетъ собранія, и снова принимается за свою азбуку права, пересматриваетъ ее и забываетъ. У ней нѣтъ никейскаго 'Символа Вѣры' принятаго разъ на всегда; у ней нѣтъ Common law; у ней нѣтъ всѣми признанныхъ основныхъ принциповъ: Французы каждый разъ начинаютъ сначала. 'Какіе ненарушимыя права человѣка?—Свобода книгопечатанія, есть ли ненарушимое право или нѣтъ?—Должно ли быть признано право гражданамъ собираться?... и пр. Всѣ эти вопросы, невозможные въ Англіи со временъ послѣдняго Стуарта, въ Америкѣ

со времени Вашингтона, ставятся на очередь во Франціи при каждой перемѣнѣ правительства.

Самые эксцентрическія рѣшенія даются иногда этимъ азбучнымъ вопросамъ, но они не удивляютъ никого.—'Да, люди могутъ сходиться, если число ихъ не превышаетъ 21—Нѣтъ, люди не могутъ сходиться, если число ихъ превышаетъ 21.'—Вдругъ баррикады, революція и опять: 'Какіе ненарушимыя права человѣка? Свобода книгопечатанія—ненарушимое право или нѣтъ?—Должно ли быть признано право сходбищъ?' Лексиконъ перемѣняется, и уничтоженный старый порядокъ вещей является въ новомъ костюмѣ. Это напоминаетъ мнѣ фарсу, игранную 1848,—"*La propriété c'est le vol.*"—Является Прудонъ съ объявленіемъ новаго закона. Статья I. *Les agents de change* уничтожены.—Статья II. *Les agents de change* возстановляются подъ именемъ *agents d'échange*.

Кто захочетъ прослѣдить красную нитку, которая проходитъ чрезъ всѣ революціонныя *corsi и recorsi*, тотъ найдетъ, даже въ самыхъ противурѣчащихъ варіаціяхъ, одинъ неизмѣнный элементъ враждебный всякой свободѣ; это грѣхъ стараго Рима,—любовь къ власти, страсть управлять. Всякій оттѣнокъ партіи, входя во власть, становится Церковью, и горе раскольникамъ. Ничего не оставляется на долю лица; его вѣрованія, его добродѣтели, его убѣжденія — все это установлено государствомъ. Философскія идеи провозглашаются въ формѣ гражданскаго закона. Декретомъ признано Высшее Существо. Люди принуждены говорить другъ ты, чтобъ не сдѣлаться подозрительными, и чувствовать другъ къ другу братскую любовь, чтобы не нарушить полицейскихъ законовъ. Издаютъ указъ, по которому должно вѣрить въ безсмертіе души... и

этого мало: все это принимается безъ смѣха; этому повинуются, и ослушники идутъ на казнь.

Какое безумное желанье власти должно было развиться при подобныхъ обстоятельствахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какое глубокое презрѣніе къ человѣческой личности! Можно ли послѣ этого удивляться, что Лудовикъ XIV, пройдя чрезъ фригійскую шапку, сталъ Наполеономъ!

Эта шаткость и неопредѣленность общественной азбуки не можетъ больше продолжаться. Имперія на лицо, уничтожая мысль и чувство, преслѣдуя сожалѣніе и печаль, подслушивая у дверей, развращая, подкупая цѣною денегъ и крестовъ. Если это продолжится въ странѣ, которая имѣетъ одни только сбитыя понятія о правѣ, то послѣ одного или двухъ поколѣній — будетъ поздно поправлять.

Но съ другой стороны централизованный деспотизмъ всегда готовъ рухнуть. Чего Калигула желалъ Риму, то случилось въ Парижѣ: у Франціи только одна голова. Имперія ставитъ все на одну карту, которая можетъ лопнуть—отъ депеши изъ Евпаторіи, отъ бомбы, пущенной Орсини, или отъ холеры, насланной 'Богомъ.' Тогда впереди откроется безграничное поле.

Въ томъ положеніи, въ которомъ Франція находится, можетъ ли она выйти, какъ новая Минерва, во всеоружіи изъ тѣсныхъ формъ, въ которыхъ она заключена? Мы надѣемся. Но во всякомъ случаѣ она выйдетъ не иначе, какъ пройдя черезъ чистилище воспитанія, совершенно не похожаго, на то, которое она получала до нынѣшняго дня. Нужно отказаться отъ старыхъ грѣховъ; нужно отрѣчься отъ отцовскаго дома, или погрести себя подъ его развалинами.

Будетъ ли продолжительно это воспитанье?

Риму понадобилось для перерожденія четыре вѣка цезаризма до Константина и четыре послѣ. Но съ такимъ путеводителемъ, каковъ нынѣшній Цезарь, можно ручаться за скорый путь. И притомъ..... мертвые скачутъ быстро въ наши дни!

20 Марта 1848. Путней.

Библиотека
Политехн. Музея